

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Учреждение «Государственный Архив Брестской области» (далее ГАБО). – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 16.
2. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 17.
3. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 18.
4. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 27.
5. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 34.
6. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 41.
7. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 42.
8. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 52.
9. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 82.
10. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 111.
11. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 112.
12. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 113.
13. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 122.
14. «Знамя Победы», № 1, чт., 2 августа 1945 г.
15. «Знамя Победы», № 4, пн., 17 сентября 1945 г.
16. «Знамя Победы», № 7, пн., 15 октября 1945 г.
17. «Знамя Победы», № 12, ср., 5 декабря 1945 г.

Bodak A. Y., Burik E. A. *Development of print media in the first post-war years (on the example of the district newspaper of the Maloritsky district of the Brest region)*

The development of regional print media has always been the subject of the closest attention from the State. They make it possible to convey to the reader the main directions of government policy in the most accessible form for the local population and to highlight the most interesting aspects of the life of a particular region for him.

This article examines the history of the formation of the regional press in Western Polesie in the post-war years within the framework of the second Sovietization of the region by the example of a typical publication in this sense - the district newspaper of the Maloritsky district.

Keywords: *editorial office, printing house, correspondent, article, censorship.*

УДК 947.6 «1863/1864»

Карнович О. В.

ПОВСТАНЧЕСКИЙ ТЕРРОР В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ И ЛИТВЕ В 1863 ГОДУ

В данном материале сделана попытка расширить географические рамки восстания 1863 года и выйдя за пределы современной Беларуси, показать реальные факты насилия, грабежей, убийств, совершённых карателями из числа так называемых жандармов-вешателей в отношении мирного населения в различных регионах бывшего Королевства (Царства) Польского и современной Литвы. Как показано далее в материале, повстанческие отряды устроили настоящий террор против мирных жителей. К сожалению, ряд современных исследователей обходят стороной эту неприглядную сторону восстания, пытаются скрыть очевидные факты и искажая политику официальных властей. Между тем, замалчивание, отрицание, либо попытка оправдать данные преступления, является недопустимым для профессиональных исследователей.

Введение

Отечественная историография за последнее время сделала значительный рывок в изучении проблематики восстания 1863 года на территории современной Беларуси. С 2013 года по настоящий период появился ряд качественных

исследований по событиям восстания, защищены кандидатские диссертации, опубликованы работы, посвящённые восстанию в различных регионах Беларуси¹. Однако, почти все вышеназванные труды направлены, в основном, на возвышение роли повстанцев, при этом всячески дискредитируется и искажается политика официальных властей, направленная на защиту мирного населения, замалчиваются многочисленные факты насилия и убийств мирных жителей. Такая однобокая и выборочная подача фактов не совсем достойна уровня профессиональных историков.

Между тем, имеется и ряд работ, в которых исследуются факты террора повстанцев по отношению к мирным жителям, чья вина была лишь только в том, что они оставались верными законному правительству². Но, как правило, эти труды ограничиваются рамками территории современной Беларуси и не затрагивают остальные регионы со значительно большим размахом повстанческого движения. В данном исследовании на основе ряда редких источников приведены многочисленные свидетельства насилия повстанцев по отношению к мирному населению на землях Королевства (Царства) Польского и этнической Литвы (литовские уезды Виленской и Ковенской губерний).

Основная часть

Как известно, на территории современной Беларуси за конкретные преступления было казнено 56 участников восстания³. Следовательно, на остальные регионы бывшего Северо-Западного края приходится 72 казнённых участника восстания. Рассмотрение причин казней повстанцев не входит в задачу данного исследования, поэтому ограничимся фактами террора так называемых жандармов-вешателей в отношении мирного населения на территории этнической Польши и Литвы. Необходимо сразу отметить, что точное число убитых повстанцами мирных граждан назвать крайне проблематично. Издание «Московские ведомости» по данным на 19 сентября 1863 года количество только повешенных определило в 750 человек. Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии за весь 1863 год называет цифру в 924 человека,

¹ См.: *Быхаўцаў М.* Паўстанне 1863–1864 гадоў у Ваўкавыскім павеце. – Гродна, 2014 ; *Буднік, І.Ф.* Да падзеяў 1863–64 гадоў на Гарадзеншчыне. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2013; *Хаценчык, З., Канецкі Дз.* Падзеі паўстання 1863 года на Вілейшчыне. – Мінск : Кнігазбор, 2013; *Якубенец-Чаркоўска, Я.* Паўстанне 1863 года ў Свянцянскім павеце. – Паставы : Сумежжа, 2013 (пер. з пол. выдання 1934 г.); *Запісы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага.* Выпуск 3. 1863 год : Шляхецкае паўстанне ці народная рэвалюцыя? / Укладальнік і рэдактар *А.Е. Тарас.* – Рыга : выданне ІБГіК, 2014 ; Паўстанне 1863 г. на Лідчыне : за нашу і вашу свабоду / *Леанід Лаўрэш* // Лідскі летапісец : кразнаўчы, гістарычна-літаратурны часопіс / — 2013. – № 2;

² См.: *Бендин, А. Ю.* Роль римско-католического духовенства Северо-Западного края Российской империи в польском восстании 1863 г. // Вестник РУДН. Серия : История России. – 2018. – Т. 17. – № 2. – С. 357–387; *Носко, М.* Репрессии повстанцев 1863–1864 гг. в Гродненской губернии // Навукова-практычная канферэнцыя «Заходнебеларускі рэгіён ў паўстанні 1863–1864 гг.» : зборнік дакладаў, 12–13 красавіка 2013 г. – Брэст : БрДТУ, 2013. – С. 51–57; *Щеглов Г.,* диакон. Жертвы польского восстания / *Г. Щеглов* // Русский Сборник : исследования по истории России / ред.-сост. *О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти.* Том XV. – М. : Модест Колеров, 2013. – С. 224–247; *Каркотко А.Ю.* Эпизоды польского восстания 1863–1864 гг. на Вилейщине. Ч. 1; Ч. 2 // Известия Лаборатории древних цивилизаций. – 2019. – Т. 15 (1) ; Т. 15 (3) ; *Карпович, О.В.* Участие католического духовенства в карательных акциях против мирного населения в период восстания 1863–1864 годов // Учёные записки Брестского государственного технического университета: гуманитарные науки. Сборник научных трудов. Выпуск 1 / Под ред. *М.В. Стрельца, Т.В. Лисовской.* – Брест : Издательство БрГТУ, 2019. – С. 34–40.

³ См.: *Карпович, О. В.* Репрессии в отношении участников восстания 1863–1864 гг. : правда и вымыслы / *О. В. Карпович* // Вестник Брестского государственного технического университета. – Серия гуманитарные науки. – 2011 – № 6 (76) – С. 33–37.

подвергшихся мучительной смерти (повешение, убийство холодным оружием, истязания, пытки и т.д.). Виленский генерал-губернатор граф М.Н. Муравьев определил число жертв повстанческого террора в 500 человек, только на территории его юрисдикции [7, с. 200].

Как писал позднее в своих воспоминаниях военный министр Д.А. Милютин, «для приведения в исполнение приговоров кровожадного трибунала учреждена была декретом жонда 10 мая так называемая «народовая стража», или жандармерия, получившая потом более приличные ей прозвища «кинжальщиков» или «жандармов-вешателей». Стража народная была составлена из самых отчаянных головорезов, почти исключительно из низшего слоя: мастеровых, рабочих, бездомных бродяг, которые за ничтожную плату (по 50 коп. в день) давали клятву беспрекословно исполнять все приказания своих вожаков. Ксендзы приводили их к присяге, окропляли святой водой кинжалы и внушали, что убийство с патриотической целью не только не грешно перед Богом, но есть даже великая заслуга, святое дело. Главное начальство над этой шайкой извергов принял на себя некто Левандовский, отличавшийся своими звериными наклонностями. С учреждением этой гнусной шайки начались беспрестанные убийства по всему краю. «Кинжальщики» или «жандармы – вешатели» бродили небольшими группами, иногда рыскали верхом и совершали повсюду злодейства. Войска наши, гоняясь за шайками, находили в лесах людей повешенными, замученных, изувеченных. Несчастные жертвы повергались мучительной смерти не только по подозрению в шпионстве, в сочувствии русским, но даже за простое ослушание приказаний агентов Жонда или вожаков шаек, за одно замедление в удовлетворении их требований, за отказ идти «до лесу», т.е. в шайку. Если несчастному удавалось скрыться от убийц, то он подвергал мучениям и смерти всю семью свою. Нередко находили повешенными на дереве мать с детьми. Были и такие изверги, которые систематически вешали или убивали в каждой деревне известное число крестьян без всякой личной вины, только для внушения страха остальным» [1, с. 199].

Первые списки жертв повстанцев в различных регионах Царства Польского стали появляться ещё зимой 1863 года, задолго до издания вышеназванного декрета 10 мая об учреждении «народной стражи» для выполнения смертных приговоров «врагам революции».

И если, выражаясь современными терминами, люмпенов нанимали на кровавую работу за ничтожную плату, то были и вполне состоятельные лица, выполнявшие поручения своих начальников с энтузиазмом и фанатизмом. При этом, «каждый жандарм-вешатель был глубоко религиозен, что, однако, не мешало ему беспощадно вешать и резать себе подобных людей» [17, с. 422]. Но именно эти, фанатично религиозные люди и совершали самые жестокие убийства. Как вспоминал очевидец тех событий, «поляку, воспитанному в иезуитской школе, ничего не значило содрать кожу с живого человека, даже брата поляка, вонзить кинжал в сердце мирного гражданина, отца семейства, или отравить его ядом. Ксёндзу, служителю алтаря Господня, проповедующему с кафедры о человеколюбивом учении Христа, ничего не значило самому убить какую-нибудь беспомощную женщину в глазах её детей, повесить беззащитного старца или отравить не внемлящего их богопротивному учению» [2, с. 14].

И зачастую католические священнослужители становились главными участниками преступлений⁴.

Бывший повстанец отряда Флориана Стасюкевича, действовавшего в Брестском уезде Гродненской губернии и Царстве Польском, Юлиан Ягмин писал об одном подобном палаче. Некий Белецкий, сын помещика Бяльского уезда Люблинской губернии, «иначе не ходил с шайкой, как только обвешенный петлями, совсем готовыми, чтобы набросить на избранную жертву. Тогда он прикреплял её к чему-нибудь, тянул вверх, так что жертва невольно подымалась с верёвкой, а другие дёргали за ноги с разного рода островами. Жизнь этого зверя кончилась тем, что он, опершись головой о дуло своего ружья, по неосторожности прострелил себе голову» [17, т. 50, с. 93].

Жандармы-вешатели убивали всех без разбора, не взирая на религиозную или социальную принадлежность. Карателям было не важно: поляк ты или русский (белорус, малорос), католик, православный или иудей. Нередко убийства совершались с особой жестокостью: «вырезали на груди кожу в виде кровавых отворот, или в виде сердца; вешали за ноги вниз головой, пока несчастный не исходил кровью» [3, с. 335]. Если несчастному удавалось скрыться от убийц, то каратели подвергали мучительной смерти всю его семью. Тогда нередко находили повешенными на дереве матерей с детьми. Были и такие изверги, как, например, Чарнецкий или Бонча, которые систематически вешали или убивали в каждой деревне известное число крестьян без всякой их вины, только для внушения страха остальным [4, с. 370–371]. По приблизительным подсчётам, только в течение одного 1863 года в Царстве Польском палачи из «народной жандармерии» убивали в среднем 17 человек в день [10, с. 68]. По подсчётам автора этого материала, основанного на польском источнике, в период с 1863 по 1865 гг. на территории Царства Польского по приговорам суда было казнено 192 так называемых жандарма-вешателя, что в несколько раз меньше числа их жертв [18, s. 104–134].

Ниже приведём далеко не полный список жертв повстанческого террора в Царстве Польском, а также литовских уездах Виленской и Ковенской губерний только за первую половину 1863 года.

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ

Варшавская губерния. 11 января 1863 года в дер. Санники *Гостынского уезда* ксёндз Стефан Скупинский и его подручный Юзеф Стржицковский убили крестьянку, прятавшую мужа от повстанцев. Через два дня наступило возмездие: толпа в 200 человек буквально растерзала «служителя Господа» при его возвращении в деревню. В дер. Карен были повешены лесники Бонавентура Павловский и Ян Гловацкий.

4 марта близ дер. Ходеча *Влоцлавского уезда* был повешен мясник Андрей Венланд. 10 марта в трактире дер. Болна были убиты его хозяин Козаковский вместе с супругой.

В *Пултусском уезде* близ дер. Бобил найден труп неизвестного человека, «убитого и ужасно изуродованного». В этом же уезде «инсургент Антон

⁴ См.: Карпович, О.В. Участие католического духовенства в карательных акциях против мирного населения в период восстания 1863–1864 годов / О.В. Карпович // Ученые записки Брестского государственного технического университета: гуманитарные науки. Сборник научных трудов. Выпуск 1 / Под ред. М. В. Стрельца, Т. В. Лисовской. – Брест : Издательство БрГТУ, 2019. – С. 34–40.

Залеский перерезал горло бритвой» отставному солдату Добрусу. Чуть позже там же нашли повешенным Йоселя Высоцкого.

Близ *Лодзи одноимённого уезда* с колониста Генриха Дерера изверги «сняли с живого кожу, перебили все члены», затем повесили. В лесу близ мест. Осташки был повешен Клементий Бернев. Крестьянина дер. Ставчины «инсургенты ... начали осыпать камнями, чтобы продлить его предсмертные мучения». Позднее они увели в лес колониста и его жену, «повесили мужа в присутствии жены, затем повесили её, распоров живот, чтобы умертвить дитя, которым она была беременна».

В *Варшавском уезде* недалеко от дер. Гродзинск был повешен отставной солдат Матвей Меньковский. В дер. Брашки та же участь постигла каменщика Шмидта. Крестьянин Фердинанд Сегер был заколот кольями в дер. Шопы. Недалеко от дер. Нарка был найден повешенным местный житель Ян Обремский, а в дер. Завады убит Ян Облонский. 20 апреля был повешен земледелец Иван Резник. Недалеко от дер. Казитул повесили Михаила Скаврона. В этом же уезде нашли повешенным крестьянина Мартина Квятковского.

Ленчицкий уезд пополнил список жертв террора повстанцев ещё на несколько человек. В дер. Пржедск (?) были найдены повешенными две крестьянки. В дер. Странсураш таким же образом умерщвлён чиновник Котов. Недалеко от Варшавы аналогично закончил свою жизнь лесник Фридрих Вакцинс.

В *Калишском уезде* были повешены Август Вендглаефт и крестьянин Казимир Малка.

23 февраля в *Равском уезде* повешена жена лесного стражника Пнотека [5, с. 162–167; 6, с. 54–57; 15, с. 234–245].

В двух верстах от мест. Ченстохово, в собственном имении Загурье в начале апреля 1863 года был повешен один из богатейших помещиков Леманский за отказ помогать повстанцам [15, с. 242].

В самой Варшаве была образована особая банда, «называемая чёрным архибратством. Они делали своё дело, не стесняясь ничем и поражали намеченные жондом жертвы даже среди белого дня» [10, с. 68]. Разгул бандитизма «жандармов» в столице Царства Польского был невиданным, да и начальник местной полиции ему способствовал. В шестом номере журнала «Русский архив» за 1886 год был опубликован очерк неизвестного автора, касающийся повстанческого террора в Варшаве в период 1863–1864 годов. По ряду признаков, имевшихся в очерке, удалось установить автора данной публикации. Им был старший адъютант штаба 1-й армии майор В.А. фон Роткирх⁵. Только по данным, имевшимся в распоряжении этого офицера, в Варшаве жертвами так называемых кинжальщиков стали 18 офицеров и нижних чинов армии и полиции, чиновников и священнослужителей. Ещё 12 человек были ранены и только случайность спасла их от гибели [16, с. 267–284]. В число раненых попал и сам майор Василий Роткирх. Причём, во многих случаях убийства совершались с особой жестокостью. Следующий абзац лучше пропустить людям со слабым сердцем, но для примера привести нужно.

В июне 1863 года банда кинжальщиков ворвалась в квартиру чиновника Вихерта и убила его самого, сестру, служанку и собаку. Это преступление

⁵ См.: Московские ведомости – 1864 – № 63. – С. 1–2; Список майорам по старшинству. – С.-Петербург : Военная типография, 1863. – С. 432.

«совершенно поразительно зверским образом; убийца как будто находил особенное наслаждение мучить жертву: вонзив нож, он вертел им во все стороны и расширял рану настолько, что в неё могла войти рука. Таких ран найдено на Вихерте 9, на сестре его 17 и на служанке 11; собака с распоротым брюхом и выпущенными кишками отползла от кровати своего господина под стул и там издохла» [16, с. 268]. Подобные изверги могут называться людьми? Преступники были найдены. Ими оказались сапожник Юзеф Рахлинский (Бахлинский), его подмастерье Ян Голембиовский, подмастерье пекаря Кохановский и подмастерье портного Игнатий Янковский. Все они были повешены в цитадели Варшавской крепости 23 августа 1863 года [18, с. 107].

Следует добавить, что преступления в Варшаве совершались при помощи отравленных кинжалов самыми изуверскими способами, что заслуживает отдельного исследования.

Плоцкая губерния. В *Липновском уезде* в дер. Осеки повешены крестьянин Блендовский, его жена и старший сын.

Млавский уезд пережил ещё более страшный террор. 8 марта близ дер. Журомино каратели жестоко расправились с мещанином Винцентом Пшидоровским. 26 марта только из дер. Квассне изверги в человеческом обличье увели и затем убили 40 (!) человек, в том числе женщин. В дер. Завзды повешена была женщина, на трупе которой найдена записка гнусного содержания. В дер. Буда-Волинск «борцы за свободу» повесили крестьян Людвиг Ганку и Адама Суrowsкого. 13 апреля был повешен управляющий именем Иван Баубенбах. 17 апреля в дер. Влаки повстанцы убили шинкаря Горанского за отказ бесплатно дать им водки. Пастух Станислав Маевский был повешен в дер. Войнишки, а в дер. Дзины похожая участь ждала Томаса Ленкевича. Зарублен топорами повар Теофил Радецкий.

14 апреля в *Плоцком уезде* были повешен колонист Матвей Уманский, изнасилована и повешена его жена. Чуть позже повесили крестьянина Юзефа Оржеховского и отставного чиновника Никиту Максимова. В начале июня в разных местах уезда были повешены четыре крестьянина и чиновник, а в дер. Ниже почтовый экспедитор Пржебиловский.

Не минули мученические смерти и *Праснышский уезд*. Здесь повешены обыватели Франц Долинский, Теофил Броховский, Виктор Бобинский и Станислав Закржевский, а мельник Фридрих Венцновский был зверски зарублен топорами.

Надо отметить, что помимо подвигов на почве убийств, заплечных дел мастера не брезговали и банальным грабежом. Разумеется, всё подавалось под соусом «на нужды восстания». В мест. Липке еврейская община, спасаясь от террора, была вынуждена откупиться от своих мучителей значительной суммой в 47 тысяч злотых. В дер. Лавишки *Липновского уезда* крестьянин Михаил Водзинский под пыткой отдал карателям 600 злотых [5, с. 162–167; 6, с. 54–58].

Командир 6-й пехотной дивизии, дислоцированной в 1863 году на территории Плоцкой губернии, генерал-адъютант В.С. Семека в своих воспоминаниях приводил сведения о следствии в отношении лесничего Никодима Ниялтовского из имения Ойцово помещика Богутского. Он руководил группой из 12 жандармов-вешателей, на счету которых было более 80 жертв, не учтённых ранее

в донесениях местных властей. Между тем, только по данным, поступавшим с мест, в пределах действия Плоцкого отряда русской армии с января по июль 1863 года было найдено 109 тел жертв повстанческого террора. В общей сложности в этом регионе, по сведениям генерала Семеки, было убито 237 обывателей. Но, как писал Владимир Семека в своём очерке, «конечно, число всех казнённых во время террора гораздо больше, ибо было множество таких бургомистров и войтов гмин, которые не хотели или не решались доставлять такие сведения, а также может быть были и другие притоны жандармов-вешателей, подобно притону Ниялтовского [13, с. 37–38].

Августовская губерния. 16 февраля в сел. Ольховки *Остроленского уезда* каратели убили крестьянина Лясковского, отказавшегося пойти с ними. Между мест. Черск и помещьем Чаплинских были найдены повешенными на одном дереве мужчина и женщина крестьянского сословия. В дер. Доброленка повешены три брата Тарасевича. Только с 16 по 19 июня в этом уезде были найдены тела 21 человека, повешенных карателями, в том числе и женщины.

В *Ломжинском уезде* 16 апреля был повешен еврей Янкель Вербжко, 18 апреля та же участь постигла отставного солдата Станислава Лижевского. В дер. Коноржище повешен крестьянин Винцент Бржозовский.

В *Сейненском уезде* также на дереве закончилась жизнь Антония Ствертецкого, а в дер. Серпа каратели повесили сапожника Готлиб Радман и отставного солдата Янкеля Гельговича.

В *Мариампольском уезде* близ дер. Дзензиновольска повешен некий Ян Бургшайтис, на котором каратели прибили табличку «Ян Бургшайтис телеграфует Царю, что в бельвезийском лесу образовался лагерь».

Отставной унтер-офицер из Трокского уезда Лаврентий Загурский был повешен также на территории этой губернии [5, с. 162–167; 6, с. 54–58; 15, с. 242–243].

Люблинская губерния. Близ мест. Томашев *Люблинского уезда* отставной солдат Мордка Гольдурс показал карателям свой аттестат об отставке, которые «прибили этот аттестат к груди четырьмя гвоздями, вколачивая молотком». Затем несчастный был повешен [6, с. 58].

В этой же губернии помещики оказались причастными к убийству своих временнообязанных крестьян. Так, 17 июня 1863 года каратели из числа жандармов-вешателей нагрянули в имение Рыбчевицы Замостьского уезда помещика Рембелинского и «по совещанию с ним» повесили крестьян Станислава Биса, Мартина Войцика, Андрея Квята и Вавжинца Залогу. С имения названного помещика было взыскано 400 рублей серебром в пользу семей погибших крестьян. Владелец имения Олбецин, некий помещик Гинтовт даже сам заплатил карателям по 50 копеек каждому за убийство 16 сентября 1863 года пятерых крестьян одноимённой деревни. Нет сведений, чем оплатился Гинтовт за своё преступление, кроме взыскания с него 750 рублей серебром в пользу семей пострадавших [19, с. 229].

Дислоцировавшийся в Бяльском уезде Люблинской губернии отряд бывшего клирика Флориана Стасюкевича также отметился расправами над мирным населением. При этом сам командир отряда, провозгласивший себя военным начальником Брестского уезда, лично принимал участие в расправах. Так, в дер. Киевец Бяльского уезда был повешен местный крестьянин. В убийстве принимали

участие сам Флориан Стасюкевич, помещик Брестского уезда Ксаверий Карчевский, начальник штаба Стасюкевича Казимир Нарбут, ксёндз отряда Малопольский и ряд других. При этом, «Стасюкевич гордился и хвастался и своим подвигом». Позднее, в Янове-Подляском Стасюкевич повесил двух мещан [17, т. 50, с. 93].

Радомская губерния. В *Опоченском уезде* только в один день 11 апреля были повешены крестьяне Ковальский, Каспер, Сурлик, Малярчик, Брильский, Холбус и Матвей Борзянский. 15 апреля в дер. Липа повесили крестьян Пётра Новака и Михаила Новицкого. 19 апреля из мест. Гловачев была похищена, изнасилована и убита жена чиновника Калинского. Затем в разных частях уезда найдены повешенными Иозефина Дуперас и Матвей Калинский. В июне в дер. Янковицы каратели повесили 10 колонистов, в дер. Буковец – 5 человек. Крестьяне Павел и Юзеф Жузины были убиты в дер. Липца.

В том же уезде в имении Волька-Клущка был ограблен местный помещик на 450 рублей. Были разграблены, а позднее сожжены деревни Липа и Шкунин. В мест. Радошицы ограблен еврей Шай Монтель на 150 рублей.

В *Радомском уезде* повешена Альбина Волос, её труп брошен в колодец.

В *Меховском уезде* в начале июня убит чиновник Юзеф Патроцкий.

11 апреля в *Келецком уезде* были ограблены на 225 рублей торговцы кабанями. 13 апреля в дер. Бржезнице был зверски замучен еврей Менеж. Добычей мятежников стали его 57 рублей [5, с. 162–167; 7, с. 220].

ЛИТВА

Виленская губерния. 5 мая в дер. Шиланы *Трокского уезда* повешен отставной коллежский регистратор Иван Велигоров. 13 июня в дер. Богданцы карателями повешены крестьяне Ян Седелевский, Ян Стефанович и Казимир Дятковский. Вся вина их была в том, что они находились в сельском карауле и защищали свои дома от этих разбойников. Недалеко от дер. Богданцы каратели повесили трёх крестьян, оставив записку с их «виной» о верности правительству. Ночью 29 июня крестьянин дер. Жухораны Матвей Ляхович был убит при нападении на деревню отряда Феликса Вислоуха.

В *Ошмянском уезде* повешен староста дер. Полянск Ян Мацкевич.

Рано утром 11 мая близ дер. Балунь *Виленского уезда* был повешен крестьянин Иван Томашевич. 22 мая крестьянина дер. Зунен Фому Неверовича после издевательств застрелили в спину пятью выстрелами. 9 июня был повешен крестьянин дер. Спуши Герасим Крищук [5, с. 162–167; 7, с. 220; 12].

Ковенская губерния. В конце числах апреля в лесу близ мест. Жогинь *Россиенского уезда* была повешена беременная крестьянка Карабинова. «Несчастливая жертва, когда вздернута была на дерево, разродилась мёртвым ребёнком» – говорилось в отчёте Виленского генерал-губернатора В.И. Назимова. В мест. Скавдвили аналогичная участь постигла станового пристава Филиппа Билима-Пастернакова.

В *Ковенском уезде* близ мест. Бодзь были повешены крестьянин Багонский и его жена. На груди повешенных каратели прибили приказ, запрещающий хоронить эти тела. Ещё один сельский учитель Константин Котлинский убит в мест. Эйраголь. В мест. Велюно 31 мая повесили отставного унтер-офицера Ковенской жандармской команды Семёна Легченко. Осенью в мест. Ибяны

после истязаний было повешено 11 крестьян-старообрядцев, отставных солдат русской армии.

В *Поневежском уезде* в лесу мест. Субочь был повешен сельский учитель Викентий Смольский, выдавший военным местонахождение повстанцев.

Отставной унтер-офицер Матвей Афанасьев был повешен 15 апреля в *Вилкомирском уезде*. 16 апреля в мест. Вижуну (имение графа Эдурда Чапского) был повешен Филипп Лебедев [5, с. 167; 12; 15, с. 235].

В *Шавельском уезде* Ковенской губернии в апреле 1863 года повстанцы увели в лес двух женщин, «Королину Тракимову и Анну Довдовну, из коих первую в лесу недалеко казенной деревни Мижайце повесили, а последнюю, наказав розгами, отпустили домой» [1, с. 216].

Гродненская губерния (польские уезды). В *Бельском уезде* на дверях гостиницы был повешен пристав Иосиф Курганович. 3 апреля близ г. Янов повешены Шмуль Гольдберг, Абнер Гольдшефт и двое крестьян. 10 апреля в мест. Боцьки каратели повесили отставного солдата Михаила Дмитриева. 8 июня убили волостного старшину дер. Грабовец Франца Фальковского. 12 июля в мест. Лосица на рынке повешены секретарь магистрата Козьминский, сторож и женщина-работница. 20 июля возле дер. Гродзиск был повешен отставной солдат Адам Грисюк.

Случай ограбления одного из помещиков Бельского уезда описал в своих воспоминаниях Юлиан Ягмин. За отказ выдать деньги того «высекли сначала на ковре, как шляхтича (шляхтич, сечённый не на ковре, по законам польским теряет своё шляхетское достоинство), но, когда это не привело к желанным результатам, то высекли его на голом полу, а потом вывели в сад, чтобы повесить. Шляхтич, видя, что дело не шутка, согласился уплатить требуемые с него восемьсот рублей серебром» [17, т. 51, с. 424].

22 апреля близ Аннопольского поместья *Белостокского уезда* были повешены 10 крестьян. 25 июня недалеко от дер. Завык каратели заживо сожгли крестьянина Матвея Матыса. 25 июля в той же деревне с ещё большей жестокостью был убит крестьянин Лаврентий Семенчук. В дер. Турота-Костельск садисты повесили сборщика податей Франца Помахера [15, с. 235–246].

Вышеприведённый список жертв карателей и садистов, именовавших себя «борцами за свободу» – далеко не полный. Эти нелюди предпочитали издеваться над безоружными и беззащитными, слабыми и больными, нежели вступать с противоборство с вооружёнными и обученными частями регулярной армии. Показательный случай произошёл 9 января 1863 года в 20 верстах от Плоцка, близ местечка Циолков. Рота Муромского пехотного полка во главе с его командиром полковником Козляниновым⁶ была направлена в местечко для разгона толпы непонятных людей, появившихся около населённого пункта. Сам офицер был человеком мягкого склада, поэтому и солдатам отдал приказ выступить с незаряженным оружием. Заодно и показал первым пример, выйдя к агрессивной толпе без оружия. Однако, политика гуманности зачастую принимается за слабость. Как писал очевидец, полковник «не думая встретить какое-либо сопротивление, ... слез с коня, подошел к толпе и стал убеждать

⁶ Полковник Константин Яковлевич Козлянинов, в офицерском чине с 1840 года // Список полковникам по старшинству. – С.-Петербург : Военная типография, 1861. – С. 257.

собранных людей, чтобы они разошлись, говорил мягко, ласково; не было с его стороны ни одного бранного, оскорбительного для поляков слова, несмотря на дерзкие выходки: убирайся пся крев со своими москалями и казаниями (нравочениями) и т. п. Чем снисходительнее, чем мягче говорил Козлянинов, тем нахальнее становились поляки. Наконец, когда он, во имя Бога, во имя совести, со слезами на глазах, стал упрашивать их разойтись: «Не хочу, говорил он, употреблять против вас силу; я знаю, что вы послушаетесь меня и подобру разойдетесь. ... Опомнитесь! Что вы делаете? Ради Бога прошу вас разойтись. Верьте мне. Не слушайте вредных, праздных людей, негодяев; они не доведут вас до добра». Но едва лишь кончил полковник Козлянинов свою речь, как выскочил из толпы один из поляков, со словами: «Я тебе дам пся крев; я начальник этих людей», и одним взмахом топора положил его на месте» [2, с. 4–5]. Излишняя мягкость погубила самого командира полка и его людей. Не успевшие опомниться солдаты были быстро перебиты вооружённой толпой. Полегла половина роты.

Но, даже павшие на поле боя воины не давали покоя так называемым повстанцам. Известный русский исследователь истории Северо-Западного края А. И. Миловидов описывал случай нападения повстанцев Рогинского на г. Сураж Бельского уезда в ночь с 10 на 11 января 1863 года. При нападении погибло три нижних чина Либавского пехотного полка, при этом «двум повстанцы отрезали языки и заткнули их за портупеи, а третьему отрезали... и положили ему в карман; кроме того, у всех разбили черепа» [11, с. 561].

Жестокое убийство старообрядцев в Ибянах в своих воспоминаниях описал председатель Ковенской губернской палаты государственных имуществ Я. Н. Бутковский. Эти крестьяне работали батраками у местной шляхты. С приходом карателей шляхта, пытаясь выслужиться, повела крестьян «в лес на казнь. На все мольбы несчастных, шляхтичи отвечали, что они считают их за добрых людей, работающих, но считают нужным казнить как потому, что они русские, так и для того, чтобы доказать Муравьёву, что они умеют платить кровь за кровь. Затем, однако, повстанцы начали глумиться над пленными и объявили, что, признавая их солдатами, они сначала переведут их в гвардию; вырезали у них на груди кожу в виде лацканов и затем повесили» [3, с. 356]. Проведённое расследование выяснило, что «преступление было совершено при содействии ибянской шляхты, которая повиновалась приказу повстанского воеводы Шуклоты, соседнего владельца местечка Лопе. Местечко это принадлежало двум братьям, из которых один считался вешателем русских, а печать его служила смертным приговором» [3, с. 357].

По распоряжению генерал-губернатора М. Н. Муравьёва, всех жителей местечка надлежало выселить, их имущество продать, а само селение сжечь. Как вспоминал Яков Бутковский, околица Ибяны «представляла благоустроенное местечко, в котором было до тридцати усадеб: чистенькие домики со службами и при каждом большой огород, расположенные при речке; кругом довольно густые сосновые и дубовые леса». Выселение околицы проводил сам Бутковский при содействии военных. Местечко было оцеплено, жителям объявили о решении властей и дали два часа на сборы. Как пишет Я. Н. Бутковский, мужское население заранее ушло в лес «и во всём местечке не нашлось более пятнадцати

женщин с малолетними детьми, ужас, поразивший их нашим объявлением, был неописанный, некоторые пробовали просить помилования, которого мы не в праве были им дать». По истечении времени «солдаты с зажжёнными пучками соломы в руках начали подпаливать дома; материал представлялся удобный, так как многие крыши были крыты соломой и через четверть часа два ряда строений вдоль дороги так ярко пылали, что зарево видно было в Ковно. Раза два произошли взрывы, которые еврей объяснил нахождением в околицы складов пороха» [3, с. 359].

Жестоко? Несомненно. Законно? Не совсем. Но наличие складов пороха уже доказывает, что жители селений сами не являлись воплощением добродетели и смирения, а, переводя на современный язык, были пособниками преступной группировки. К тому же, и сами были замешаны в совершённых преступлениях. Справедливо ли в данном случае говорить о каких-то насилиях, совершённых властями в отношении «безвинных» жителей местечка?

Тот же чиновник Бутковский описывал случай, произошедший недалеко от мест. Рауданы Тельшевского уезда. Каратели захватили мать и сына из немецких колонистов, подвели под виселицу и «предложили матери на выбор: хочет ли она, чтобы её сына повесили или до полусмерти засекали нагайками. Известно, что отвечала в беспамятстве мать, но только несчастному юноше дано было полтора удара нагайкой. ... Моим глазам представилась какая-то чёрная масса: спина немца от шеи до пяток составляла сплошную язву, покрытую запёкшеюся кровью, слышны были только тихие стоны» [3, с. 350]. Как выяснилось по горячим следам, карателей в своём доме радушно принимал один местный шляхтич, звонарь в костёле. Он и предоставил свои владения в их полное распоряжение. Так как добровольно он имена бандитов не называл, то и Бутковский был вынужден пойти на крайние меры. Спесивый шляхтич был повален на пол (неслыханная дерзость!) и выпорот казаками. Как вспоминал Я. Н. Бутковский, «началась кровавая расправа, так как каждый удар нагайки оставлял кровавый след; я ожесточился до того, что не слушал просьбы жены и детей поляка, явившихся ко мне. Истина открылась: повстанцы оказались приятелями звонаря и приезжали из соседнего имения графа Тышкевича...» [3, с. 351]. Действия высокопоставленного чиновника незаконны, о чём он и сам признавал. А каковы тогда были действия карателей? Может, прежде чем предъявлять претензии к властям и лить крокодиловые слёзы по «невинным жертвам» Муравьёва, некоторым историкам следует посмотреть на действия этих самых «невинных»?

Заключение

Приведённые выше факты – лишь только малая часть огромного айсберга выявленных убийств, грабежей и унижений простых обывателей, совершённых так называемыми повстанцами. Всё это свидетельствует об одном: повстанцы сознательно пошли по пути террора в отношении собственного народа. Этот террор носил массовый характер и затронул все социальные слои населения как Королевства (Царства) Польского, так и территорию современной Республики Беларусь. Как свидетельствовали очевидцы по обе стороны баррикад, подобные жандармы-вешатели были практически в каждом отряде. Редкий полевой командир обходился без таких палачей. Практически все командиры повстанческих

отрядов «прославились» убийствами и издевательствами над мирным населением. Воспеваемые ныне Ромуальд Траугутт, Людвиг Нарбут, Валерий Врублевский (список можно продолжать бесконечно) – все они виновны в первую очередь в убийствах мирных обывателей, вся вина которых была лишь в том, что они оставались верными законному правительству. Именно эти лица – в мирной жизни офицеры русской армии, чиновники, помещики – вмиг превратились в циничных и жестоких убийц. Именно они отправляли своих подручных вешать, грабить, пытаться крестьян, чиновников и отставных военных. Терпя поражения на полях сражений, не в силах противостоять частям регулярной армии, эти господа проявляли звериную жестокость и всю злобу вымещали на безоружных и беззащитных жителей деревень и местечек. Кто их благословил на подобное? Не их ли идейный вдохновитель Винцент Константин Калиновский, чьи останки не так давно были с помпой перезахоронены в Вильнюсе? Ему приписывают фразу: «Восстание должно быть чисто народным – шляхта, поскольку с нами не пойдет, пусть гибнет – тогда крестьянский топор не должен остановиться даже над колыбелью шляхетского дитяти!». Может и не он сказал это, но точно одно – подобное было вполне в его характере. Достаточно лишь внимательно почитать его «Письма из-под виселицы». Поэтому народ за ним не пошёл.

Калиновского в белорусской историографии называют выдающимся философом и мыслителем, видным революционером. Но, можно ли человека, называвшего православие собачьей верой, призывавшего к геноциду дворянского сословия (при этом сам он также являлся дворянином), разжигавшего, выражаясь современным языком, межнациональную и межрелигиозную рознь, называть мыслителем и философом? И здесь возникает казус: даже авторы, стоящие на позициях «народного» характера восстания о личности самого Калиновского, высказываются крайне неодобительно. Исследователь Виктор Хурсик оценил личность Калиновского предельно точно: «26-летний молодой человек был наполнен исключительно террористическими идеями, важную роль при принятии им решений играли ещё не удовлетворенные молодые амбиции». «Избранный им путь кровавой борьбы со своим народом (повстанцы своих соотечественников вешали, били и жгли немало) во имя некой высшей цели был с самого начала тупиковым и погубил не только самого предводителя, но и жизни тысяч его соотечественников как на полях боев, так и в царских застенках, жизни ни в чем не повинных русских, поляков, евреев, людей других национальностей», – писал в своей монографии В. Хурсик [14, с. 11, 13].

Монопольное право на насилие принадлежит исключительно государству и государственной власти. И никто, прикрываясь даже самыми гуманными лозунгами, не имеет право подминать собой государственную власть. Это один из столпов государственного устройства. События восстания 1863–1864 годов включают не только боевые действия правительственных войск и повстанческих отрядов, но и насыщены драматическими и трагическими моментами. И задача исследователей заключается в объективной оценке действий повстанцев и правительственных войск.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бендин, А. Ю. Граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский – усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи: монография / А. Ю. Бендин. – М., 2017. – 342 с.
2. Буланцов. Записки лазутчика во время усмирения мятежа в Польше в 1863 году. – С.-Петербург : Типография Гогенфельдена и К^о, 1868.
3. Бутковский, Я. Н. Из моих воспоминаний / Я. Н. Бутковский // Исторический вестник. – Т. XV. – 1883. – С. 325–365.
4. Бухарин, С.Н., Ракитянский, Н.М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации / Отв. ред. О.А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2011. – 944 с.
5. Вестник Юго-Западной и Западной России. – 1863. – Т. IV (май). – С. 163–167.
6. Вестник Юго-Западной и Западной России. – 1863. – Т. IV (июнь). – С. 54–57.
7. Вестник Юго-Западной и Западной России. – 1863. – Т. IX. – С. 220.
8. Вестник Юго-Западной и Западной России. – 1863. – Т. X. – С. 54–57.
9. Зинькевич, В. «Несвядомая» история Белой Руси / В. Зинькевич. – М. : Книжный мир, 2017 – 426 с.
10. Луганин, Я. Опыт истории лейб-гвардии Волынского полка. Часть 2. 1850–1879. – Варшава : Типография Ольгербранда и сыновей, 1889. – 533 с.
11. Миловидов, А. Первые скорбные страницы летописи польского восстания 1863 г. в пределах Северо-Западного края / А. Миловидов // Исторический вестник. – 1913. – № 5. – С. 557–569.
12. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с Православной церковью западнорусских униатов: соборные деянием и торжественные служения в 1839 году / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zapadrus.su/bibli/arhbib/781-polsko-shlyakhetskij-terror-i-spisok-ego-zhertv-vo-vremya-polskogovosstaniya-1863-1864-g-g.html>. – Дата доступа : 29.10.2019.
13. Семека, В. С. Разбор сочинения «Военные действия в Царстве Польском в 1863 году, составленного г. С. Гескетти, под редакцией генерал-лейтенанта Пузыревского». – С.-Петербург : Типография Главного управления уделов, 1895. – 55 с.
14. Хурсік, В. У. Трагедыя белай гвардыі. Беларуская дваране ў паўстанні 1863–1864 гг. / В.У. Хурсік. – Мінск : Пейто, 2002. – 144 с.
15. Щеглов, Г. диакон. Жертвы польского восстания 1863–1864 годов // Русский Сборник : исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. – Том XV. – М. : Модест Колеров, 2013. – С. 224–246.
16. 16 Эпизоды из событий 1861–1864 годов. Воспоминания современника-очевидца / Русский архив. – 1885. – № 6. – С. 257–285.
17. Ягмин, Ю. Воспоминания повстанца / Ю. Ягмин // Исторический вестник. – 1892. – Т. 49. – С. 561–585; Т. 50. – С. 74–98; Т. 51. – С. 413–431; Т. 52. – С. 715–732.
18. Lista politycznych przestępców straconych w czasie powstania r. 1863/1864 w granicach Królestwa Polskiego // Księga Pamiątkowa opracowana staraniem komitetu obywatelskiego w szterdziestą rocznicę powstania r. 1863/1864 przez Józefa Białynię Cholodeckiego. – Lwow, 1904. – S. 104–134
19. Zabielski, Ludwik. Materiały archiwalne o udziale chłopów Lubelszczyzny w powstaniu styczniowym / L. Zabielski // Rocznik Lubelski. – 1963. – № 6. – S. 215–229.

Karpovich O.V. Insurrectionary terror in the Kingdom of Poland and Lithuania in 1863

This article attempts to expand the geographical scope of the 1863 uprising and going beyond the borders of modern Belarus, to show the real facts of violence, robbery, murder committed by punitive from the number of so-called gendarmes-hangers against civilians in various regions of the former Polish Kingdom, North-Western regions of Russia (modern lands of Lithuania and Belarus). As shown later in the material, the rebel groups organized a real terror against the dissent. Unfortunately, a number of modern scholars bypass this unsightly side of the uprising, trying to hide the obvious and distort the policies of official authorities. Meanwhile, silence, denial, or an attempt to justify these crimes is unacceptable for professional researchers.